

Основные темы, раскрывающиеся в стихотворной подборке Владимира Угрюмова: тема поэта и жизненного потока, в котором он существует, представленного в образе народа. Народ мыслится как всё человечество. Причём в подборке использованы оба варианта: «голос народа», «передвигаться умеет народ», «и человечество вдали».

Хотя традиционный мотив противопоставления «поэта и толпы» промелькнул в первом стихотворении подборки: «Голоса повторялись и смолкли. / Жизнь входила в права и прошла / Сладкозвучия и кривотолки / Одолели меня без числа», – однако поэтическая логика уходит совсем в другое русло. С одной стороны, поэт мыслит себя в общем потоке жизни: «Бродят пашущие в поту, / Бродят пишущие [хочется отметить игру слов] <...> нищий бродит, богатый». Явлено общее блуждание по дороге жизни, уравнивание всех на этой дороге в бытийном аспекте.

С другой стороны, лирическое «Я» выключено, нет, скорее отстранено от толпы, является наблюдателем жизни. Эта двусторонность позиции по отношению к народу отражена на разных уровнях, в том числе и на уровне синтаксиса. В стихотворении по первой строчке «Говори, если есть отвечающий» единение с толпой показано с помощью перечисления; в стихотворении «А если смотреть, то увидишь не мало» с помощью многократно повторяющейся частицы «ни» показана изолированность лирического героя от социума. «Ни сытый любовник, ни пьяный похабник, / Ни скептик, ни циник, ни в церковь подлец, / Ни убранный пышно директор, и как бы / Ни – в лес по грибы – многодетный отец». В финальной строчке появляется образ сумасшедшего: «Он сам по себе, сумасшедший за всех». И хотя образ сумасшедшего дан в стихотворении со стороны: «... по улице шел дурачок Чопопайло», – чувствуется, что поэт отождествляет себя с этим персонажем, номинируя тем самым себя в мире людей, даёт характеристику с их позиции: «дурачок» – и в то же время включает бытийный план – «сумасшедший за всех». Появляется мотив избранничества.

Эти два мотива (сумасшествия и избранничества) переплетаются и в другом стихотворении подборки «Двое». Некий человек в «рубашке задом наперёд» (похоже на смирительную рубашку) вдали от всех: «Такой пейзаж – река и дали, / И человечество вдали: / В домах, в работе, на вокзале». Мотив избранничества проявлен через силуэт Христа, появляющийся в финале: «А в сторону от рыболова / Под возрастающей зарёй, / Неудержимо и сурово / Библейский сын идёт домой». Образы рыболова и рыб также работают на эту схему: «И рыбы охают у ног», «В рыбацких сапогах до паха». В раннехристианской литературе Христос часто называется Рыбой, а христиане – рыбаками. Здесь актуализируется момент причастности поэта к высшему, небесному. Он, как рыбак, добывает из глубин мироздания частицы божественной красоты и мудрости.

Христианские мотивы проходят через всю подборку: «Рождество / меня застанет на постели», «Нищий бродит, богатый, каясь, / Бога ради. Идут, идут», «Не убий», «Передвигаться умеет народ / В божьей росе или в шелесте крыл». Также онтологический план задаётся использованием устаревшей лексики: «кривотолки», «пустопорожнем», «каково – таково», «далече», «задворкам», «поврозь». Это образует единую «говорящую» картину, вписанную в бытийный план.

Встречаются образы птиц и неба. Небо видится как высшая сфера, с которой связан поэт. «Сожгу, словно сор, в небесах», «в божьей росе или в шелесте крыл», «думать буду о птицах и псах» [можно прочесть эту конкретную фразу как попытку думать о добре (поскольку птицы приближены к Богу) и зле (связывая образ псов с адскими псами)]. То есть поэт думает о вечном, о том, что стоит над обыденностью. И перед этим вечным обыденность оказывается ненужной: «Обо всём, что припомню за вечер, / Я сожгу, словно сор, в небесах».

В стихотворении «И в конце октября так легко повторять: «Не убий» образ птиц трансформируется в ворон, которые ассоциируются у поэта с чёрным листопадом и несбывшимися черновиками. Шелест, который производят птицы, на образном уровне перекликается с шелестом бумаги. В этом стихотворении заметны черты импрессионизма:

«И вороны с деревьев срываются и шелестят. / И подумаю я: это черный ночной листопад. / И подумаю: так вот, дрожа от внезапной тоски, / Возвращаются в землю несбывшиеся черновики»

Вечно движущимся мире, где всё и все движутся – «идут, идут», «кто бы здесь приостановленный был», «собаки бредут по хрустящей листе в никуда», «дождь пошёл, перестал и вернулся опять» – лирический герой стремится не к горизонтальному, а к вертикальному движению: он то сидит на берегу, а город где-то там вдали; то в постели; то в вечности: «... В вечности так хорошо, / Даже не больно, безлико, поврозь. / Я передвинулся, мне удалось».

Он, приблизившийся к познанию жизни, понимает бессмысленность движения и суеты. Здесь и христианский мотив принятия жизни: « «Привыкаю» / К переменному свету, к обещанной тьме, / К ныне здравствующим и ныне усопшим». И второстепенность земной жизни перед жизнью вечной: «Я его не застал», – это так обо мне, / И, пожалуй, достаточно сказано, в общем».

Таким образом, поэзию Владимира Угрюмова я бы определила как «поэзию вненаходимости». Поэт пытается понять свою позицию в этом мире отстранённо: «Лучше всего, это лучше всего – / Видеть живого себя самого, / Издалека. Или видеть других, / Делających правильные шаги» – и вписать своё лирическое «Я» в бытийный план, вечную христианскую символику.